

Академик Ф. И. Шуберт (1758–1825). Награжден орденами св. Анны второй степени (1802), св. Владимира четвертой степени (1810), третьей степени (1819)

в 1830-е гг. (рисунок М. Кашенцова, литография М. Мошарского), он изображен без ордена св. Анны. Дело, видимо, в том, что Лепехин в феврале – марте 1802 г. тяжело болел и не посещал Академию, а 6 апреля 1802 г. скончался. Вероятно, его болезнь помешала довести до конца процедуру награждения.

Знак ордена св. Анны представлял из себя крест, с обеих сторон покрытый красной финифтью. На лицевой стороне, в середине его, в кругу было изображение св. Анны, на оборотной – ее латинский вензель. Когда Эпинусу в 1783 г. был пожалован орден св. Анны, он не имел еще деления на степени. Оно появилось 5 апреля 1797 г., когда Павел I утвердил «Уставление о Российских Императорских орденах», и орден св. Анны приобрел три степени²³. Орден св. Анны второй степени, которым были награждены ученые, носили на шее на орденской ленте.

На известных нам портретах академики Иноходцев, Лепехин, Озерецковский, Паллас, Севергин и Шуберт изображены с пожалованными им орденами.

Из 112 действительных членов (академики и адъюнкты) Петербургской Академии наук в XVIII в. государственными наградами отмечены 15 академиков, что составило 13% от общего состава Академии того времени. Причем четверо ученых были награждены дважды. Это – Крафт, Иноходцев, Озерецковский и Паллас. Награждение орденами пришлось на последнюю четверть XVIII столетия. Таким образом, практически через 60 лет после учреждения Академии наук ученые были удостоены первых государственных наград.

²³ ПСЗ. Т. 24. № 17908. С. 569–587. В 1815 г. Александр I учредил четыре степени ордена св. Анны.

Л. Н. ФОНТАЛИН

«ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ НЕ ТАК-ТО ПРОСТО УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ»

(памяти Г. Я. Свет-Молдавского)

Многолетняя дружба с Георгием Яковлевичем Свет-Молдавским (1928–1983) – одно из самых светлых воспоминаний в моей жизни. Я называл его Жоржем, домашние – Жориком, большинство знакомых – Светом. Эта первая половина его фамилии удивительно ему подходила.

Г. Я. Свет-Молдавский родился 11 июля 1928 г. в Москве, в интеллигентной еврейской семье. Отец, Яков Моисеевич Свет, в пору нашего знакомства был уже инвалидом (ходил с трудом, с палкой), но еще работал юрисконсультom или адвокатом. Любил стихи поэтов конца XIX в. – Надсона, Минского. Дед Жоржа по отцовской линии был, по семейным рассказам, непрактичным фантазером в стиле рассказов Шолом-Алейхема. Мать Жоржа, Елена Давидовна Молдавская, была совершенно иным человеком – энергичным, волевым и деловым. Будучи известным в Москве профессором-гинекологом, она, видимо, и привила сыну любовь к медицине.

Сын унаследовал оба фамильных качества: полет воображения и настойчивость в реализации научных замыслов. В семье он рос всеобщим любимцем. Очень рано перечитал русскую и зарубежную литературную классику, интересовался текущей литературой, любил музыку. В школьной учебе «перепрыгнул» несколько классов и поступил в вуз в пятнадцатилетнем возрасте.

Мы встретились впервые в апреле 1947 г. на городской научной студенческой конференции. В ту пору, на гребне кратковременного послевоенного общественного подъема, во многих институтах возникали научные студенческие общества. В дальнейшем эту затею власти тихо прикрыли как опасную для казенного единомыслия, и студенческую энергию направили на «смычку с народом» – уборку картошки, постройку коровников, подъем целины, строительство БАМа, и т. п.

Мы учились в разных вузах. Свет – в 1 Московском медицинском институте, я – на биофаке МГУ, но доклады делали на одной и той же секции. Он – об антипротозойной активности растительных эфирных масел, а я, увлекавшийся в ту пору идеями Вернадского, – о биогеохимии кремния. Интересно, что на той же секции делал доклад и Жорес Медведев – в ту пору студент «Тимирязевки», а позднее – известный биолог и диссидент.

Наше знакомство было мимолетным и никаких последствий не имело. В дальнейшем мы оба поступили в аспирантуру: он – в Институт вирусологии, а я – в Институт общей и экспериментальной патологии АМН СССР. Но судьбе было угодно свести нас вместе в 1950 г. в самом, казалось бы, неподходящем для дружбы месте – на философском семинаре. В советскую эпоху будущему кандидату наук требовалось сдать экзамен по марксистской философии

(разумеется, с ленинско-сталинскими добавлениями). Премудростям этой «науки» аспирантов АМН обучали на философском семинаре в большом здании на Балтийской улице (близ метро «Сокол»), где размещалось несколько институтов АМН. И вот на одном из занятий произошел такой эпизод. Разбирался «эпохальный труд» товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Главным его стержнем служило отрицание права евреев разных стран считать себя единой нацией (что отнюдь не мешало преследовать их как раз в эти годы и именно по национальному признаку). Для доказательства национальной ущербности евреев Сталин исключил из понятия «нация» такие «идеалистические» критерии, как национальное самосознание, культурно-религиозное единство и т. п., а на передний план выдвигались общая территория и единый язык. И вот один из аспирантов неожиданно задал вопрос: могут ли считаться единой нацией армяне, включая и многочисленную армянскую диаспору. Мы с Жоржем оба поняли скрытый яд вопроса. По критериям, предложенным Сталиным, армяне, как и евреи, не могли считаться единым народом, а вот «политическая целесообразность» требовала признать армян единым народом, а евреев – нет. Потому что историческая родина армян частично находилась в пределах СССР, и советская пропаганда активно зазывала в Армянскую ССР зарубежных соплеменников, а историческая родина евреев, наоборот, была буржуазным государством Израиль, и контакты с ним советских евреев беспощадно пресекались.

Мы со Светом приняли деятельное участие в обсуждении злокозненного вопроса об армянской нации. Это была увлекательная, хотя и опасная игра: под маской «непонимания» посмеяться над сталинским философским скудоумием, примитивным политиканством и антисемитизмом. А потом, уже без свидетелей, обменялись впечатлениями, расспрашивали и сами рассказывали о себе. Так началась наша дружба, длившаяся свыше тридцати лет.

Годы, когда возникла наша дружба, были страшными! Никогда – ни до того, ни позднее – идеологическое давление на человеческие души не достигало такой силы и не было столь всеобъемлющим. Идеологическое беснование достигало человека всюду. Приведу для примера только ту область науки, которая мне близка профессионально – биологию. В общей биологии свирепствовали лысенковцы; седовласые профессора и академики либо униженно калялись, признавая свои «ошибки», либо беспощадно изгонялись. Цитологам, гистологам и эмбриологам пришлось склонить голову перед безумным «учением о живом веществе» О. Б. Лепешинской, в котором якобы самозарождаются новые клетки. В физиологии насильственно утверждалось искаженное и опошленное «павловское учение» (великий И. П. Павлов перевернулся бы в гробу, если бы знал, как подло распорядились его именем). В порядке «борьбы с космополитизмом и иностранщиной» для всех открытий срочно подыскивали русских авторов, пренебрегая не только научно-исторической истиной, но и элементарным правдоподобием. Научный руководитель, листая черновик моей диссертации, озабоченно хмурился: «Слишком много ссылок на иностранные работы, надо убрать минимум половину. И обязательно вставить ссылки на классиков марксизма». Работа была посвящена патогенезу столбняка, но в те годы и трава росла только по воле мудрого товарища Сталина! Под флагом той же «борьбы с космополитизмом» шла повсеместная травля евреев, достигшая апогея в печально знаменитом «деле врачей – убийц в белых халатах». Подрывались коренные устои науки: вместо общемирового

движения научной мысли – противопоставление «советской науки» «науке буржуазной». Подрывались нравственные устои: гуманный акт передачи зарубежным медикам нового противоракового препарата расценивался чуть ли не как государственная измена («дело» Роскина и Ключевой).

В этой атмосфере лжи, страха и лицемерия дружба была насущно необходима тем, кто сохранил «душу живу». Она давала уверенности в том, что ты – не единственный нормальный человек в царстве сумасшедших, что оголтелая пропаганда не всесильна. Дружба была необходима, и она же была смертельно опасна. Ибо львиная часть доносов сочинялась «закадычными друзьями». Поэтому дружба, проверенная этим страшным временем, бережно сберегалась и длилась долгие годы. Паролем ее было доверие.

Характерами мы совершенно различались. Свет, в соответствии со своей фамилией, был именно светлым человеком: жизнелюбивым, общительным, шумливым, чаще всего – веселым. Умел наслаждаться и вкусной едой, и интересной беседой, и стихами, и хорошей музыкой. Обладая прекрасной памятью, читал наизусть стихи Пастернака, Киплинга и многих малоизвестных поэтов. Радуюсь жизни, любил радовать других. Принимая друзей, трогательно суетился: удобно ли гостю в его доме, тепло ли, сытно ли, весело ли ему. Заразительно хохотал над своими или чужими шутками. Бывал вспыльчив, в гневе иногда несправедлив. Очень боялся плагиата; рассказывая о своих планах, часто прерывал себя напоминаниями: «только смотри, никому-никому ни полслова». Выслушав мои заверения, успокаивался и продолжал разговор. Что-то ребяческое проглядывало в нем в эти минуты. Позднее, впрочем, выяснилось, что его опасения были далеко не всегда беспочвенны. В последние годы своей жизни он жаловался на некоторых американских и японских авторов, публиковавших работы по «гетерогенизации» опухолей, не цитируя его статьи на эту тему. Он писал редакторам соответствующих журналов, получал извинения, а замалчивание его работ продолжалось.

Научных идей, которые мне довелось слышать от Света, хватило бы на десяток жизней. Диапазон его интересов был безграничен. Так, например, он, неоднократно мечтал когда-нибудь заняться «галлами» – опухолевидными разрастаниями на листьях некоторых растений. А однажды полущутя-полувсерьез сказал: «Вот лишат меня лаборатории, выгонят с работы – займусь тараканами! Чем не экспериментальное животное?! Работают же генетики на дрозофилах, а чем тараканы хуже? Всегда под рукой, кормить дешево. И наверняка чем-нибудь болеют. Интересно, есть ли у них опухоли?» Я вспомнил его слова много позже, прочтя интересную американскую работу о специфическом иммунном ответе на некоторые токсины у тараканов. Но рассказать об этом было уже некому... Чаще же, конечно, планы Света носили более конкретный характер. Возражения он выслушивал внимательно, но соглашался редко. Значительно легче было его переубедить, если мы спорили об общих вопросах (например, о факторах эволюции). Разумеется, не только о высоких материях мы беседовали. Большей частью обменивались личными, научными, общественными новостями, изливали эмоции, советовались друг с другом. Каждый черпал из общения что-то необходимое (я – дух оптимизма). Как-то Свет сказал, что наша дружба уберегла его от неверного шага (догадываюсь – какого)! Эти слова для меня – одна из высших наград в жизни.

Свет, когда это становилось необходимым, мог быть очень деловитым и дотошным. Он раньше многих молодых ученых понял, что любой новый факт

или новая гипотеза приобретают значение только в том случае, если они опубликованы в широко читаемых англоязычных научных журналах. И Свет добивался таких публикаций, преодолевая массу препон: собственное не идеальное знание английского, бюрократические рогадки, высокомерие и недоброжелательность иностранных журнальных редакторов.

Все это, впрочем, было позже. А в 1950–1952 гг. мы оба торопились, завершая свои диссертационные работы: поджимали сроки аспирантуры. Свет сделал блестящую работу: исследуя особенности вирусной инфекции у холодно-кровных (пойкилотермных) животных при различной температуре тела, он показал отсутствие прямой связи между размножением вируса и манифестацией патологического процесса. При низких температурах животные оставались здоровыми, несмотря на размножение вируса. В те годы это было новым словом в вирусологии. Блестяще защищенная диссертация не спасла его от развивающейся в 1952–1953 гг. антисемитской травли. Его, уже сформировавшегося талантливого ученого, попытались сослать врачом-эпидемиологом в казахстанскую «глубинку», а за отказ наградили злобным фельетоном в газете «Медицинский работник». После долгих унижительных хлопот ему удалось добиться направления в Ростовский (на Дону) НИИ эпидемиологии и микробиологии в качестве старшего научного сотрудника, где он и проработал с 1953 г. по 1956 г. В Ростове Свет женился на своей бывшей сокурснице, ставшей ему верной помощницей и в работе, и во всей последующей жизни.

В Ростове Свет занялся проблемой создания безаллергенной вакцины против бешенства. Обычная вакцина готовилась из обработанного определенным образом головного мозга кроликов, зараженных вирусом бешенства. Поскольку такая вакцина содержала антигены, сходные с антигенами мозга человека, то у некоторых пациентов (к счастью, – немногочисленных) она вызывала тяжелое аутоиммунное заболевание – аллергический энцефалит. Свет предложил готовить вакцину из мозга новорожденных кроликов, чья нервная ткань значительно беднее опасными аллергенами. Приготовленная им небольшая партия новой вакцины оказалась безвредной для человека и для животных и эффективно предохраняла последних от заболевания бешенством.

Большинство ученых этим, вероятно, и ограничились бы. Но Свет был человеком иного закала. Недаром образцом для него был великий Пастер – не только ученый, но и организатор вакцинно-прививочного дела во Франции, а через своих учеников – и в других странах. Свет добивается через Минздрав изготовления большой партии безаллергенной вакцины и ее массовой проверки через сеть санэпидстанций. Будучи человеком отнюдь не богатырского здоровья, он разъезжает по стране, скрупулезно проверяя, правильно ли готовится вакцина, соблюдаются ли условия ее хранения и транспортировки, правильно ли ведется учет результатов. И когда на массовом материале подтверждаются преимущества новой вакцины, Свет пытается запустить ее в массовое производство. Уйма энергии тратится на проталкивание соответствующих решений Минздрава. Виной тому не только инертность бюрократической машины, но и сопротивление «производственников»: изменение технологического процесса всегда требует материальных затрат и переучивания работников. Возрастает риск ошибок и груз ответственности руководителей.

Не помню, удалось ли Свету одержать победу в деле «внедрения» безаллергенной вакцины, но сама эта история чрезвычайно характерна: смысл своей деятельности Свет видел не только (и даже не столько) в отыскании истины,

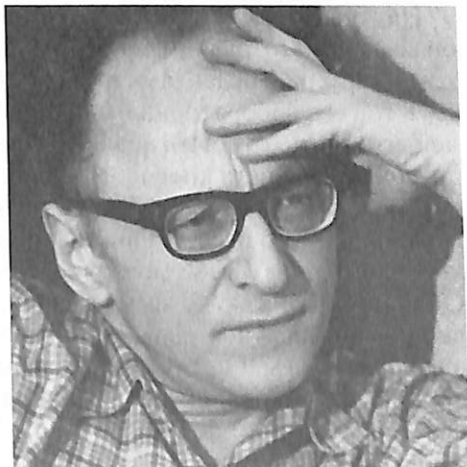
сколько (в первую очередь) в применении результатов поиска на пользу людям – для охраны их здоровья или для лечения. Недаром вторым (после Пастера) образцом для подражания он считал ныне полузабытого «добротного доктора» Гааза. Эта тенденция всегда была ему присуща. Я помню, как мы с ним, уже много позже, обсуждали возможные причины резистентности новорожденных животных к возникновению опухолей: отсутствие соматических мутаций, накапливающихся с возрастом? Хорошая работа механизмов (позже изнашивающихся), регулирующих клеточное размножение? Свет морщился: «Может это и так, но с этим нельзя работать, этим нельзя лечить. На-

до искать в таких новорожденных животных какие-то факторы, препятствующие опухолевому росту». Кажется, пытался найти, но безрезультатно.

В 1956 г. Свет вернулся в Москву и начал работать в Контрольном институте вакцин и сывороток им. Тарасевича. Здесь в основном и развернулась его борьба за безаллергенную вакцину, описанная выше. Но этого ему мало. Он заинтересовался опухолеродными вирусами и в 1957 г. совместно с А. С. Скориковой делает важное открытие: обнаруживает патогенность и онкогенность считавшегося видоспецифичным вируса куриной саркомы Рауса для новорожденных крыс и мышей. Одновременно это открытие сделали Л. А. Зильбер и И. Н. Крюкова. Спустя 10 лет авторы открытия были награждены Государственной премией СССР.

В 1962 г. Свет организует лабораторию в Институте экспериментальной и клинической онкологии, возглавляемом акад. Н. Н. Блохиным. Здесь он проводит цикл работ *по заражению опухолей вирусами*, безвредными для человека. Подобная «гетерогенизация» опухоли позволяла повысить ее антигенность и мобилизовать для ее отторжения механизмы противовирусного иммунитета. Позднее ряд американских и японских авторов на основе принципа гетерогенизации разрабатывали методы иммунотерапии рака в клинике (не упоминая о приоритете Света).

В 1967–1970 гг. Свет с сотрудниками впервые описали противоопухолевую активность нормальных лимфоидных клеток, подвергнутых действию интерферона. С того времени сотни, если не тысячи, работ в разных странах посвящены изучению противоопухолевой и противои инфекционной активности лимфоидных клеток неиммунного организма, их участию в отторжении чужеродных трансплантатов и т. п. Эти клетки (так называемые «естественные киллеры») признаны существенным фактором естественного иммунитета организма, интенсивно исследуются их свойства, их рецепторы, их происхождение. Однако первопроходческие работы Света в этой области практически никем не упоминаются. Не время ли исправить эту несправедливость хотя бы в работах российских ученых?

Г. Я. Свет-Молдавский, середина 70-х гг.
Фото из личного архива К. Чимишкяна

Научные интересы Света никогда не ограничивались онкологией. С 1967 г. он со своими сотрудниками исследует иммунодепрессивное действие гельминтов и вирусов, предвидя острую актуальность этой проблемы в будущем. А в 1978 г. в его лаборатории было начато изучение антигенного фактора опухолей, что могло открыть новые перспективы в лечении инфарктов миокарда и других расстройств кровообращения.

Опережающий свое время характер многих работ Света коренился в оригинальности его идей, удивительной интуиции, обширности интересов, глубоким понимании связей между различными отраслями биологии и медицины. Обладая чуткостью ко всему новому, он в то же время никогда не плыл по течению сиюминутной моды, находя собственные, оригинальные подходы к решению проблем. Он глубоко почитал и хорошо знал труды великих медиков прошлого, собирал и берег редкие книги. Часто повторял изречение доктора Гааза «Спешите делать добро» – и следовал ему в своей жизни.

Суть человека проверяется жизненными испытаниями. И судьба послала Свету в 1973 г. страшное испытание – смертельную болезнь. Хронический миелолейкоз, убивающий человека в среднем через 6–7 лет. Свет знал об этой болезни все, что может знать медик, тем более – онколог. И он встретил этот удар, как мужественный человек, как боец. Он верит в свой ум, в свой талант: неужели он не сможет найти способ остановить размножение своих взбесившихся миелобластов?! И он начинает искать такие факторы, а пока что подвергается достаточно мучительным процедурам, сдерживающим развитие болезни.

Где лечиться и как при этом сохранить возможность работать? Сначала он лечится в родном Онкоцентре. Но лучшие специалисты находятся в Нью-Йорке. Они хорошо знают Света как ученого и обещают лечить бесплатно. Но на какие деньги жить там и как получить длительную заграничную визу? Как ни горько об этом вспоминать, но руководство Онкоцентром и АМН СССР не оказало тогда Свету поддержки. С разрешением на выезд для лечения помог тогдашний президент АН СССР академик Александров. А с деньгами помогли опять-таки американские ученые, обещавшие предоставить Свету возможность вести работу в качестве научного сотрудника с соответствующей зарплатой. В течение нескольких лет Свет сохранял также возможность руководить своей лабораторией в Онкоцентре, но без оплаты (на общественных началах). С ним в Нью-Йорк уехали жена и дочь, в Москве остались брат и престарелая мать.

От этого последнего периода жизни Света у меня осталась толстая пачка писем. В них, а также в частых телефонных разговорах, Свет делится всеми перипетиями своей нью-йоркской жизни. Разноликость города, его космополитический характер, его открытость, даже какая-то маскарадность ему очень нравятся. С присущим ему чувством юмора рассказывает о забавных ситуациях (как, например, купили какие-то фрукты и принялись на улице их поедать под дружный смех окружающих. Причины смеха поняли, прочтя надпись на упаковке: «корм для обезьян». А фрукты были вкусные...). Жизнь была интересной, но очень нелегкой. Лечение перемежалось работой. В одном из писем подробно описывается один из рабочих дней – с 8.00 до 20.00 часов. Такую нагрузку нелегко выдержать даже здоровому человеку. Запланированной научной темой было действие гипофизарных и гипоталамических гормонов на гемопоэз и миелолейкемию. Но мысль ученого не терпит рамок. И не

может она ограничиться лечением собственной персоны. В 1977 г. он пишет: «Буквально горю (спать не могу) из-за кишечных опухолей и трансплантатов. Черт с ним, с миеломой; если в голову лезет другое. Не должен работник поддаваться давлению обстоятельств. Изнутри должна вылезать логика. Я много думал о том, что кишечные гормоны несут в онтогенезе не физиологические, а морфогенетические функции...». И далее – детальное обсуждение этого вопроса на трех страницах.

«Дух веет, где он хочет». Из письма от 27 октября 1980 г.: «Последние дни я весь в рассеянном склерозе. Это моя старая любовь. Помнишь аллергический экспериментальный энцефалит и безаллергенную вакцину? Тогда я стереотипно думал, что множественный склероз – это штука, близкая к экспериментальному аллергическому энцефаломиелиту. Так вот ерунда все это. Множественный склероз – это болезнь олигодендроцитов, нарушение и подавление продукции миелина. Вирус или отсутствие фактора причина этого – я еще не знаю. Но фактор, который поможет, у меня в руках. До Нового года я отвечаю, так ли это, в первом экспериментальном приближении». В этих строках – вся концепция Света как ученого-медика: постижение природы какого-либо заболевания – не цель, а лишь путь к цели. Истинная цель – *лечение*. А то, что он сам в это время медленно умирает от миеломы (а вовсе не от рассеянного склероза) – так ведь «не должен работник подчиняться давлению обстоятельств»! И он счастлив – несмотря на «обстоятельства». «К моменту получения этого письма я уже буду знать, могу ли я размножить стволовые клетки и вливать их ведрами кому и когда надо... или я опять взлетел к небесам и опять стукнулся об асфальт. Но, знаешь, я ничего в жизни не сменял бы за этот взлет, *ничего*. Эти дни я летаю». (Из письма от 14 января 1979 г.)

Боялся ли он смерти? Конечно, боялся. Боялся и преодолевал страх. «Были какие-то тяжелые приступы тоски по утрам и даже страха. Стыдно, конечно, но это органически было. Теперь я это вполне поборол. Вообще, когда встанешь и выйдешь на улицу веселого, маскарадного типа города, как-то отходило» (24 сентября 1977).

«Бывают минуты паршивого душевного состояния, но «Mut verlören – alles verlören» [«мужество потерять – все потерять»] – цитата из Гёте. – Л. Ф.] – моя любимая поговорка» (8 июня 1981 г.).

До самого конца душа его остается открытой для новых впечатлений, размышления не только над научными, но и общечеловеческими проблемами. «За последний период жизни я опять и опять возвращаюсь к мысли, насколько элементарные этические принципы (их соблюдение) важнее всех остальных, увы, и творческих достижений. По-видимому, те десять заповедей не так-то просто усовершенствовать» (28 августа 1981 г.). И там же о моральном облике многих западных ученых: «Отбор из поколения в поколение идет на умного, «зубрёжного», хорошо тренированного спеца, умеющего растолкать окружающих локтями, мастера политики и дипломатии, но не на служителя храма науки. Отбора на положительные этические свойства нет, как раз наоборот. Удивительна ненависть оттренированных специалистов к талантливым ученым... Не только свой проект пробить, но соседей утопить, или лучше не дать им пробиться на свет Божий. Причем это глоткогрызение с колледжа начинается».

Свет не дожил до эры всеобщей компьютеризации и Интернета, тем не менее некоторые его высказывания выглядят теперь почти пророческими:

«Странное дело TV. Происходит некое фундаментальное социальное явление: люди взаимодействуют не с людьми, а с телевизором, и это заменяет им все, включая эмоции, собеседование, чуть ли не половое общение. Высокий процент феминисток ответили в анкете, что предпочитают вибратор мужчине – это, по их мнению, меньше унижает женское достоинство. Итак: вибратор, телевизор, видеомагнитофон. Это некое страшное знамение будущего. Помнишь, мы когда-то говорили с тобой: человек, изолированный от всех, кроме неких дающих и берущих машин» (5 сентября 1981 г.).

Предвидение Света, к сожалению, оправдалось: по сообщениям печати, всё больше подростков предпочитают компьютерные игры общению со сверстниками.

Несмотря на тяжелую болезнь, напряженную работу и достаточно скромное материальное положение, Свет сохранил привычку заботиться о близких ему людях. Он оказывал материальную помощь оставшимся в Москве падчерице и теще, присылал мне реактивы для работы, пытался организовать издание в США моей книги. По завету Гааза спешил делать добро. Остро ощущая дефицит человеческого общения, радовался письмам и телефонным звонкам из Москвы, обижался в случае их долгого отсутствия или недостаточной сердечности тона.

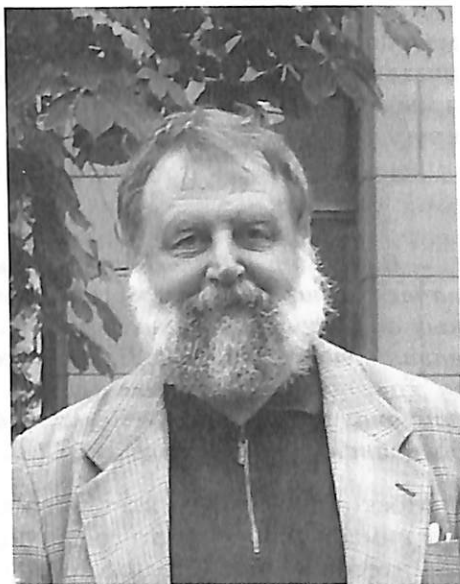
Свет был незаурядным человеком и ученым, слишком рано ушедшим из жизни. В одном из последних телефонных разговоров сказал: «Я человек веселый». Таким и остался в памяти: светлым, мужественным, умеющим быть счастливым и дарить радость другим.

Г. Я. Свет-Молдавский умер 20 апреля 1982 года. Прах его, как он пожелал, развеян в воздухе над устьем реки Гудзон, впадающей в Атлантический океан. Ученый не принадлежит какой-нибудь одной стране или одному народу. Он принадлежит Человечеству.

«НА ЛЕКЦИЯХ Я ВСЕГДА ГОВОРИЛ ТО, ЧТО СЧИТАЛ НУЖНЫМ И ПОЛЕЗНЫМ...»

(интервью Л. В. Чесновой с членом-корреспондентом РАН В. В. Малаховым)

Наш собеседник – Владимир Васильевич Малахов, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета МГУ, член-корреспондент РАН, – воплощает собой плодотворный союз науки и образования. Мировое признание и известность ему снискали фундаментальные исследования в области эволюционной морфологии животных, обоснование нового типа животного царства (*Cephalorhyncha*), разработка оригинальной концепции строения и развития вестиментифер – бескишечных беспозвоночных, обитающих в очагах подводного вулканизма в симбиозе с хемоавтотрофными бактериями, наконец, создание синтетической системы животного царства, которая охватывает эволюционную морфологию, эмбриологию, палеонтологию и молекулярную биологию. Перу Малахова принадлежат более 200 печатных работ, в том числе 10 монографий на русском и английском языках; он был удостоен премий Ленинского комсомола (1984), Д. А. Сабина (1993) и академика А. В. Иванова (1996). Среди его непосредственных учеников – 12 кандидатов и 5 докторов биологических наук, а также 1 член-корреспондент РАН.

Историю науки Владимир Васильевич рассматривает как средство для более глубокого познания самой науки. Его удачным опытом в этой области стала увлекательно написанная история возглавляемой им кафедры (одной из старейших в Московском университете) «в лицах». Этот труд, озаглавленный строкой из стихотворения – «Пока горит свеча...», был издан в 2004 г. и пользуется большим читательским спросом. В очерках о таких легендарных личностях отечественной биологии, как К. Ф. Рулье, А. П. Богданов, А. М. Мензбир, С. А. Зернов, Н. В. Насонов, Н. Ю. Зограф, Г. А. Кожевников, Л. А. Зенкевич и многих других, автор смог выделить то основополагающее, что составляло их человеческую и научную сущность. Второе расширенное издание – «Эссе ... на тему ...» выходит в свет в этом году. Поддерживает историю науки Владимир Васильевич и организационно – он является председателем «биологического» диссертационного совета ИИЕТ и членом редколлегии ВИЕТ.